

Игорь Чубаха

Железная коза

Игорь Викторович Чубаха
Железная коза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180435

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Игорь Чубаха
Железная Коза
или Куртуазные приключения
отставной княгини Ознобы Козан-Остра,
вдовы божьей милостью Дажбога
историческое чтиво из серии
«КАЛИГУЛА ОТДЫХАЕТ»**

Книга публикуется в авторской редакции.

Посвящается _____
(Ф. И. О.) заполнить по прочтении

ГЛАВА 1 РОТОР

«И долгие века сохнет пень. Так и память людская хранит добрые и злые свершенья минувших лет», сказал Абу-Омар-Ахмед на смертном одре собравшимся вокруг домочадцам, которые легко бы нашли, как использовать время с большей пользой. Но к нижеследующей истории старый маразматик не имеет никакого отношения, просто зачин хороший, почти как у Пушкина про дядю самых лучших правил... Ладно, забудем Омар-Ахмеда, плюнем и разотрем.

А правду о Железной Козе поведал нам тюремный стукач Радебил-Выноси-Парашу со слов вдовы Бедры-Секущиеся-Косы, сославшейся на рассказ не ночевавшего дома три ночи мужа Вернидуба-Верниогорода-Вернидолг, говорившего со слов адвоката Яснауста, и сына его Яснапуста – да будет доволен Дажбог ими обоими.

В днесь-весть какие далекие времена, когда Русь еще не была единым могучим государством, а представляла из себя нечто вроде коммунальной квартиры на сорок семей, за расселение которой не возьмется ни одна даже самая бандитская недвижимская контора; когда на окраины немногочисленных славянских селений по ночам забредали погрызть самым вредительским образом заборы плешивые бобы; а мелкопоместные спесивые бояре ненавидели друг друга пуще своих престарелых жен, писали друг на друга доносы, срывая чадру благочестивости с лица порока и портки приличия с телес зависти, да ратничали между собой столь же часто, сколь коты в марте...

В те стародавние лета в сотне полетов каленой стрелы от истоков Днепра-Славутича маленьким городищем Мутотеньск-Берендейский, даже не деревенькой – так, пустяком, правила симпатяшка-милашка. Семнадцати лет от роду. Вдова по образованию, а по имени Озноба Козан-Остра (фонемическое звучание имени воспроизведено неточно, поскольку праславянский язык сохранился через пень-колоду, и как произносилось в натуре то или иное «Ой, ты гой еси, имя-прозвище», можно только спорить. Из нескольких версий звучания имени: Оксана Розан-Фрося, она же Зобатая Обзвон-Вдосталь, она же Пусто-Пусто, она же мадам Вонг... выбрана самая благозвучная).

Седобровые патриархи вещали, что овин ее души всегда открыт для путника, ищущего приют в непогоду дурных мыслей.

С толикой шамаханской крови, черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дева в желтом ситцевом сарафанчике, повязанная платком, из-под которого выбивались пряди расчесавшихся волос. Молодым господам, засидевшимся допоздна в ее палатах, она обыкновенно говорила, за руку подведя к окну:

– Ну как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки – ту же, как можно ту же, натужиться надо, и полетела бы. Вот так!

На молодых господ эти речи действовали однозначно. Озноба-Краса-до-крестца-коса была счастлива и не боялась залететь, поскольку применяла спринцевание различными сперматоксичными растворами. Она использовала салициловую кислоту (1 чайная ложка на кружку воды) или борную кислоту (1 столовая ложка на кружку воды), или молочную кислоту (2 – 3 столовые ложки на кружку воды), или растворы марганца, хинина или хинозола (2 грамма на один литр воды), или раствор квасцов (1 грамм на один литр воды), или прочие приспособления из книги «Что должна знать каждая приличная княгиня».

Жизнь не сразу улыбнулась красавице Козан-Остра. Тринадцатилетним заморышем ее взял в жены престарелый князь Мутотеньска-Берендейского Хилахрон III...

Впрочем, если начинать с начала, так с начала.

* * *

Село Нижние Верасы от прочих расположившихся вокруг поселений отличалось тем, что было самым бедным и грязным, обитатели его славились особо дурным запахом онучь и какой-то ну просто врожденной склонностью ко всевозможным хворям.

И если, обув лапти «Шагом марш» (купите первую пару, вторая пара даром – за амбаром), идти вдоль главной и единственной улицы Нижних Верасов (идти – мягко сказано; чуть ли не вплавь пробираться через груды козьего навоза), то из каждой халупы будут слышны натужные стоны. Здесь – желтая лихорадка, здесь – желтый лишай, здесь – желтый бутулизм, а здесь – белая горячка... Какая-то особенная ветхость замечалась во всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребер. Окна в избах были без стекол, иные были заткнуты тряпицей.

И только двор отставного солдата Ноздря-Дундуна, ветерана первой и второй батальон за обладание прославленным в мифах брендом «Лосьен „Огуречный“», не походил на остальные, ибо стоял не в болотистой низине, а на продуваемом всеми ветрами холме. Да вот только беден шибко был дом. На последней войне лишился солдат указательных пальцев и мизинцев на обеих руках, а без них разве братве что докажешь?

Но подрастала у ветерана дочь, и он в ней души не чаял, баловал и бил не часто по голове. Воспитывал в меру разумения. На последние гроши покупал памперсы «Кэфри» и сам их стирал, ведь денег на прачку не оставалось. Не позволял ковыряться в носу пальцами ног и давить ими же тараканов. Учил выговаривать букву "р": "Дочурка-чурка, скажи «доллар-р-р», скажи «мар-р-рка», скажи «фунт стер-р-рлинг»». А теперь повторяем вместе: «евр-р-ро», пр-р-рости Господи, придумали же заморские купцы названьице. Так-то, невинное дитя, знай, масоны не дремлют...

На беду запала девчонка, почти ребенок, в глаз старосте селения, мерзкому, толсто-брюхому. Стал донимать супостат ветерана, требовать малышку в батрачки.

Погоревал отставной солдат, да видно – судьба такая. Сводил в последний раз на детский утренник, где главной диковинкой были сиамские близнецы Актина и Павлина, ряженные с благословения чувства юмора родительского в трехголового Змея-Горыныча. Собрал папая, отставной солдат, в котомку какой ни есть харч, дал ребенку последний подзатыльник, не из злобы, а от бессилия. И выставил за порог – мир не без добрых людей.

Было тихое летнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе; но поля еще блестели росой, из недавно проснувшихся долин веяло душистой свежестью, и в лесу, еще сыром и нешумном, весело распевали ранние птички.

Идет девчонка, Ознобушка наша, лесом и вдруг слышит: кто-то плачет. Выходит кроха на полянку, а там сидит маленький такой шебутной старичок, в кружевной носовой платочек сморкается и им же слезы вытирает.

– Ты пошто плачешь, дедушка? Разве моджахеды ночи закрыли для тебя ворота солнечного капища? – спросила добрая девочка, хлопая ресницами, как мотылек крыльями.

Старичок всхлипнул, достал из кармана кувалдный лорнет тонкой работы и принялся разглядывать гостью.

Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, со своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого шага, со сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках, была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок – еще не девушка.

– Уста твои порождают горлиц такой маскировочной окраски, что соколы моих мыслейдохнут с голоду. Я отвечу на твой вопрос, но в следующий раз не умничай перед старшими. Яволь? Так вот, по сути вопроса – как же мне не плакать? Я вот вышел на полянку, гляжу – ягодки, листики, птички-воробушки порхают, солнышко светит. Сердце-то и защемило.

– Но ведь не плакать, дедушка, радоваться надо, – растрогалась девочка, словно газовый баллончик нечаянно нажала.

– Так-то оно так, дочка, – старичок положил на голову ребенку усталую ладонь, легонько коснулся, словно ветерок. – Да видишь, цыпа, стар я, а к старости все, на что молодым внимания не обращал, умиление вызывает. Жизнь прошла, а нешто я еенюю прелесть зрел? Первая майская гроза, а я в подвале серебряные гривны пересчитывал. На папоротнике бутоны распускались, а я безжалостно смердов плетью стегал.

– По голове?

– Зачем по голове? По заднице.

– Ну, тогда еще ничего.

– Эх, – глубоко вздохнул старичок, убрал лорнет в карман и снова высморкался. – Хорошая ты мимоза.

– И ты тоже нормальный, дедушка. Да сохранит Коляда твои последние волосы, – щедро улыбнулась Озноба. Старичок ей понравился. Опрятненький, седенький, буколический. В придворном шитом мундире, в чулках, башмаках и звездах, со светлым выражением плоского лица, он казался настолько своим на поляне, словно здесь и родился, рядом с гнилым валежником, и от рождения никогда поляну не покидал.

– Ну, коли так, – сквозь слезы улыбнулся князь Хилахрон III (это был, конечно, он), – то пошли ко мне жить, будешь мне наследницей.

Старцу пригрезилась идиллическая картина: вот они играют в ладушки, вот она кормит куклу мороженым, вот он трет ей спинку в бане, затопленной по черному...

Но внезапно видение исчезло. Дедушку проняла характерная мышечная слабость, руку не поднять. На лице, руках выступила обширная эритема, кожа зашелушилась, иногда с последующей пигментацией пораженных участков. Вокруг глаз зафиолетовел отек. Температура подскочила до 39 градусов Цельсия. И... раз, и все прошло. Приступ дерматомиозита, коим страдал патриарх, миновал.

– Пошли, – не задумываясь, согласилась девочка.

Раскатанная колесами, вся в выбоинах и коровьих лепешках, дорога привела к городским воротам.

– Стой, анафема! – загородили путь два рослых стражника в стеганых зипунах из гонконговщины. – Пропуск!

– Ребята, это же я, – робко улыбнулся дедушка, – Хилахрон III.

– А я думал, что это три молдаванина, –дохнул сивушным перегаром первый стражник под хохот второго.

– Ребята, можно я пройду?

– Можно Машку за ляжку и козу на возу! «Разрешите?» – надо говорить, – под гогот второго стражника заявил первый. – Пропуск!

– Но я же ваш князь! – мягко молвил старик, норовя презентабельно заглянуть в глаза ратникам.

– Наш князь горбатый и одноглазый. Давай тебе глаз выбьем и, как лицо, похожее на княжеской национальности, без мандата пустим, – предложил второй, супреж выпустив облако перегара, под ржанье первого. – А ну прищурься! – Старик покорно прищурился. – Вась, кажись, действительно наш князь-натурал. Батюшка-Осударь, прости нас, дурней беспечных-бестолковых. Не признали! – И второй стражник, раскрыв объятия, пошел на старика, словно собирался припасть к венценосной груди.

Дедушка тоже наивно развел руки, а стражник проскользнул под аутентичной дланью, оказался сзади и с силой хлопнул по старческому плечу. Происходящее пахло дешевым портвейном до рези в глазах.

– Здорово мы тебя разыграли, Хилахрон? – Оба воина со смеху схватились за животы.

– Да, ничего, – владыка кисло улыбнулся.

– Слышь, Хилахрон, давно хотел спросить: ты когда, собака непривязанная, нам жалованье намерен платить? – Поймал деда за пуговицу первый стражник.

– Так вам же на год вперед выплачено. – Пролепетал любимую мантру ветхий князь.

– А ты еще на полгода выплати. От тебя разве убудет? Да вызовет Марена¹ тебя срочной телеграммой.

– Слышь, Хилахроша, – второй стражник достал из бокового кармана зипуна початую бутылку злого портвейна, зубами вытащил пробку. – Мы тут наведались в твой винный погреб. Что ж ты, паскуда, нормальным вином запастись не мог? Хочешь, чтобы нас заворот кишок доконал? – и хлопбыстнул.

– Слышь, Хилахрон, а это что за малявка с тобой? Никак, невеста? Ха-ха-ха.

– Ты опять влюбился, Хилахроша? Да одарит бог плодородия твою макушку ветвистыми бараньими прибабасами.

И оба стражника запрыгали, хохоча; веселые, как воздушные шарики:

– Тили-тили тесто, жених и невеста!

Зато путники наконец смогли пройти.

– Ты ей не изменяй, ха-ха! – крикнул вдогонку первый стражник.

– С верховным волхвом, ха-ха! – крикнул второй.

– Скучно им, этой дорогой редко кто ходит, – объяснил патриарх, ступая по отполированной до блеска миллионом ног мостовой.

Городище Мутотеньск-Берендейский понтами не уступал другим уездным населенным пунктам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа с вечным мезонином, очень красивым, по мнению праславянских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и кудахтающей живости. Попадались почти смытые дождем вывески с калачами и редькой, прочие «магазины-салоны», в которых торговали сэконд-хэнд Армани и Версаче...

Как говорится:

*И будь я хоть негром преклонных годов,
И то б без зазнайства и лени
Оделся бы в сэконд-хэнд только за то,
Что здесь одевался сам Ленин.*

А когда подходили ко княжеским палатам, Озноба вдруг все поняла. Но было поздно! И свадьбу сыграли только на следующий день, после того, как старейшины объяснили невесте смысл имени жениха. Имя его значило «невосприимчивый к запаху спиртного».

* * *

Долго ли, коротко ли свадебный пир длился, однако закончился. Пожилые мымры-невольницы отвели девочку сначала в дворцовую душевую, сняли безыскусную крестьян-

¹ Морана, Маара. Богиня смерти, жена Чернобога. Ее чучело сжигалось в последний день Масленицы

скую одежку. Долго и придирчиво рассматривали еще совсем не оформившееся, почти детское, тело.

Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Вздыхали рабыни, отводили глаза, однако дело свое сурьезное делали. Купали ребенка в парном молоке и скисшем, натирали эвкалиптовым и розовым маслами, осыпали лепестками медуницы.

– Прежде чем шмель мужа соберет пыльцу с клевера твоей невинности, – сказала самая старая рабыня, – милочка, заруби на носу: искусство любовной игры с пожилым мужчиной заключается в том, что ты должна оказаться там, где он соберется лечь, раньше него самого.

Наконец, обернули Ознобушке плечи полупрозрачной, легкой, как паутинка, тканью и отвели в евроремонтную опочивальню. Русская печь в изразцах под потолок с пультом дистанционного управления, домашний кинотеатр без умолку кариес рекламирует, и не вырубишь, кнопка «Выкл.» залипла. И на огромной, с хижину отставного солдата Ноздря-Дундуна кровати дожидается черноброву дивчину, завернувшись в трофейный персидский халат, Хилахрон, законный ее муж.

Застучало перепелочкой девичье сердечко. От подруг слыхивала малолеточка, что мужчина с девушкой может сделать, какую боль причинить. Напряглось ее совсем не оформившееся, почти детское, тельце, попыталась она поплотней завернуться в свою скудную паутинку.

Старичок взглянул на девочку и тихо так, ласково, говорит:

– Ты не бойся, ложись рядом, погутарим ладком. Я развешу вермишель вымысла на твоих ушах, расскажу заветную сказку.

Делать нечего, легла Озноба на самый краешек огромной, как отчий дом, кровати. Лежит, дрожит мелко, зубы крепко сжаты.

– Итак, – начал князь, – в одной далекой стране жили-были мулат с мулаткой. И была у них самка какаду, рябенькая такая. – "Подрядчика-подлеца надо бы утопить в Славутиче-Днепре, – подумалось князю. – Стервец клялся закончить кремль-мавзолей к октябрьским Праздникам неурожая, и где этот кремль-гостинец, я вас спрашиваю? Только котлован вырыт. А что мне делать с одним котлованом? Что скажет бог Мор², если меня положат в голый котлован? Нет, я вас уверяю, подрядчика-подлеца надо утопить".

Тут маленькой девочке вдруг подумалось, что у ее мужа чудесный голос: бархатный, нежный и вкрадчивый.

– Рассказывай, дедушка, рассказывай! – Озноба придвинулась ближе.

Патриарх удивленно посмотрел на новообетенную супругу, но продолжил:

– Однажды снесла попугаиха яичко, не простое, а золотое. – «И верховного волхва надо бы утопить в Днепре-Славутиче. – привычным водоворотом кружили его миротворческие мысли. – Скажете, все пожертвования на ремонт капища Перумова идут на ремонт капища? Ой, я вас прошу! – подумалось государственному мужу. – А почему тогда его жена покупает мясо не на базаре, а в универсаме „Паттерсон“?»

Ознобушка не могла понять, что происходит. Внутри проснулось новое чувство. Душистый страх вместе с предвкушением чего-то неведомого, но манящего, радужной волной растекся по телу. В висках застучали горячие молоточки, участилось дыхание. Девочка придвинулась еще ближе, еще теснее.

– Мулат бил-бил, не разбил, – пробормотал сквозь наступающую дрему старик. Он ничего не замечал.

² Мужское воплощение Марены.

Озноба чуть не задохнулась от закружившего голову желания. Крошечные вишенки сосков сделались твердыми, словно пуговицы. Внизу живота чуть не вскипело. Оттуда, снизу, дурманящая жаркая истома зажгла дикий огонь в зрачках, опалила щеки и уши. Девочке захотелось лежащего рядом мужчину до зуда корней волос.

– Мулатка била-била, не разбила, – пробубнил старец.

Тяжело дыша, Люба прижалась к мужчине и запустила руку под халат. (На халате искусный умелец вышил сценку из репертуара персидских бань, где, как известно, отдельные кабинки не предусматривались. Поскольку наша книга может попасть в руки детей, описание сценки опускается). Никто Ознобушку не учил, но она сразу нашла искомое и стала хищно мять пальцами.

– А дальше, дальше? – задыхаясь, прохрипела она, сорвав и отшвырнув с ланит полупрозрачную паутинку. – Да позволит Мста³ энцифалитным клещам селиться у тебя под ногтями, если ты не скажешь, что там дальше!

Князь испуганно дернулся, но цепкие руки крепко прижали его к кровати. Это была не простая кровать, она не скрипела, а исполняла фривольную песенку «На морском песочке я Марусю встретил», впрочем, не будем отвлекаться.

– Мимо бежала камышовая крыса, хвостиком махнула, и яйцо... – пропищал фальцетом старик. – «Не буду я никого топить! – мысленно пообещал богу Мору старец. – Это шутка была... Ты что, шуток не понима-а-а!...»

– Яйцо? О-о-о! – застонала глухо Озноба-Краса-на-выкате-глаза, обнаженная, как провод.

– Яйцо разбилось! – выкрикнул подавшийся слепой панике старик.

Дальше терпеть крошка была не в силах. Розовыми ноготками она разодрала персидский халат мужа на дюжину самодостаточных для мытья пола тряпок и, словно амазонка коня, оседлала расprostертое тело. Чресла девы пронзила сладкая боль, желанная боль. И все завертелось.

* * *

Утром еще ничего, а к обеду дворцом поползли слухи. Распространял их камердинер Митро-Фашка, человек, страдавший энтеробиозом. Болезнь проявлялась зудом в нижних отделах прямой кишки, иногда мочеполовыми расстройствами. Выраженные желудочно-кишечные симптомы и нервные явления наблюдались редко. Имя камердинера на древнем языке значило «не возвращающий выпрошенные посмотреть Ди-Ви-Ди». Камердинер бродил палатами, заходил и в дворницкую, и на конюшню, брал очередного слушателя за грудки и говорил с таинственным видом:

– Конечно, я верный раб своему господину, но у раба тоже сердце имеется. И я не могу найти себе места, глядя на то, что происходит. Да не позволит Ярило⁴ стаду моих речей потравить огород достоинств солнцеподобного.

Тут уж и в дворницкой, и на конюшне Митро-Фашку садили за стол, наливали стакашку смородиновой водки под ободок и начинали провоцировать с гнусной целью выведать пикантные подробности:

– Да ведь ничего особенного и не происходит! Да нам совсем и не интересно! Да ты все выдумал!

³ Богиня справедливой мести.

⁴ Очень статусный бог. Без его соизволения не вывесят ни один рекламный плакат. Да что плакат, ни один кандидат в народные избранники избирательную компанию не начнет.

– Выдумал?! Не происходит?! – горячился, брызгал слюной и бил себя в грудь кулаком камердинер. – А знаете ли вы, что наш старикан допреж никогда больше пятнадцати минут государственными делами не занимался, а сегодня в полчетвертого утра сбежал из опочивальни и вызвал подрядчика.

– Ну и что? – сумлевались как бы меж собой, но с умыслом, и щедро плескали следующую порцию смородиновки в караулке. – Подрядчика давно пора было вызвать. Не только вызвать, а и утопить в Днепре-Славутиче. Да послужит он прахом, попираемым сафьяновыми сапогами Магуры⁵.

– Да?! – камердинер горячился, не забывая опрокинуть подношение в утробу. – Утопить – пятнадцатиминутное дело, тем более, что подрядчик сразу раскололся, куда казенный мрамор спихивал. А старикан тем не менее допрос на три часа растянул. Верьте мне, люди, наш князь боится новую жену, как частный предприниматель налоговую полицию! Приглядитесь, люди, разве таким входил Хилахрон III вчера в опочивальню? Трясущиеся руки, стучащие зубы, борода клочьями...

Из документов: ШКОЛЬНЫЙ ТАБЕЛЬ УЧЕНИКА 6-го "В" КЛАССА
МИТРО-ФАШКИ, БУДУЩЕГО КАМЕРГЕРА.

Прогуливание уроков – уд.

Курение на переменах – хор.

Вырывание страниц из дневника – уд.

Подкладывание пистонов под учительский стул – хор.

Подглядывание в женском туалете – отл.

На следующий день слухи отправились гулять по улицам. Тем более, что у преклонных лет князя и руки тряслись, и зубы, ешкин кот, стучали еще пуще. И казалось, будто некий мудрец установил в палатах громко тикающие куранты с кукушкой на механическом ходу. Это произвело сильное впечатление на местных феминисток. Теперь они ходили толпами, хором скандировали: «Не дайошь!!!» – И где освистывали, а где и забрасывали куриными экскрементами прохожих мужиков.

А еще через день, когда верный Митро-Фашка стал будить князя, дедушка подпрыгнул до потолка, загородился подушкой и истошно завизжал:

– Что, опять?!

– Нет, на работу, – угрюмо пошутил камердинер. – Ваша благоверная приказала разбудить в три, пять и семь утра.

– На работу! На работу! На работу!.. – не расслышав окончания фразы, радостно запел Хилахрон III и от радости помер.

Природа игнорировала трагический накал минуты. Ни тебе грома с молнией, ни ураганных порывов ветра. Новый подрядчик исхитрился и отгрохал мавзолеей-кремль за три дня (понимаем, с массой недоделок). На торжественной церемонии разрезания ленточки пара арабов мечтательно облизнулась.

Кстати, поскольку иметь мавзолеей каждый истинный праславянин считал делом чести, возводилась сия конструкция так: несколькими тысячам мещан рассылались берестяные грамоты приблизительно такого содержания: «Если вы желаете, почти не тратясь, накопить кирпичей на усыпальницу, пошлите десять кирпичей по обратному адресу, перепишите эту грамотку десять раз и разошлите своим знакомым, поставив уже вместо обратного адреса свой».

Все понимали, что это жульничество. Но, Лют⁶ возьми, срабатывало.

⁵ Синеокая крылатая дева из свиты Перуна. Относит павших воинов в Славь. Аналог скандинавской Валькирии.

⁶ Бог войны, опять же, помощник Перуна.

В мавзолее-кремль положили венценосца, запихнули верного слугу-камердинера Митро-Фашку, как тот ни отбрыкивался, ссылаясь на невыплаченный кредит в Сбербанке за телевизор и завтрашние билеты на Егора Летова. Хотели и законную супругу... Однако по статье малолеток нельзя... Главный волхв городища посыпал голову пеплом перед провожавшими усопшего боярами и молвил:

– Мы все горячо скорбим. Отечество понесло тяжелую, невосполнимую утрату. Но Хилахрон навечно останется в наших сердцах. Мы всегда будем помнить, как он восемнадцатилетним юнцом пришел в наш городок с котомкой, в которой лежала только справка о досрочном освобождении. Мы никогда не забудем о... Проклятый склероз!.. – Если сравнивать главного жреца с предметом, то первым делом на ум приходил слегка подтаявший поставленный на попа брикет масла. И когда жрец куда-нибудь направлялся, невольно хотелось проверить – не оставляет ли он за собой жирной дорожки. Но не будем переходить на личности.

Из документов: СТЕНОГРАММА ПРАЗДНИЧНОЙ РЕЧИ
НАЧАЛЬНИКА СТРАЖИ ПО СЛУЧАЮ ВНЕЗАПНОЙ КОНЧИНЫ
ХИЛАХРОНА III.

Дорогие товарищи (бурные аплодисменты), от нас ушел самый близкий, самый дорогой нам человек. (Бурные аплодисменты.) Как же мы будем без него? (Бурные аплодисменты, переходящие в овации.) Товарищи, не надо аплодисментов, невозможно выступать. Чем раньше закончим, тем скорее поминальная тризна, банкет по нашему. (Тишина.)

Товарищи, о наших покойниках хорошо не говорят. (Жиденькие хлопки.) Тем более не заслуживает доброго слова покойный Хилахрон III. (Хлопки усиливаются.) Мерзавец, скажу я вам, каких мало. (Хлопки, переходящие в аплодисменты.) Жлоб, скотина, козел (аплодисменты, переходящие в бурные), никогда носки не менял! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Товарищи, не надо аплодисментов! (Шквал аплодисментов заглушает все.)

Свое слово молвили также придворный тамада, редактор местной газеты и «за науку» местный этнограф – по паспорту латинянин, по роже – тоже, по прописке – временно зарегистрированный.

В финале церемонии каждый из прощавшихся положил в могилу по золотой денежке. Верховный волхв вспомнил уже тогда ветхозаветно-бородатый анекдот и, мотивируя отсутствием наличных, выписал и положил в саркофаг чек на кругленькую сумму, а золотые собрал – сдача.

Короче, осталась прелестница Озноба вдовствовать и править в соответствии с истинной, что вдовы живут дольше мужчин. И безмятежно провдовствовала и процарствовала четыре траурно-веселых года.

ГЛАВА 2 СТАТОР

На рубеже IV – III веков до нашей эры широко тогда известный благодаря шоу на ночном телеканале «Один + три» Птолемей-лайт написал историю праславян. Среди прочих исторических басен им было запрототолировано и предание о войне Верхнего и Нижнего ПраНовгородов в предыдущем тысячелетии до нашей эры за сладкое право переименования в «Горький-град». Однако мы описываем события, произошедшие за добрую горячую десятку тысяч лет до этого, в Эру двубортных костюмов. В малоизвестную эпоху, когда был бешено популярен ликер «Амарето», и влюбленные при поцелуе склеивались так, что их растаскивали род на род, улица на улицу, деревня на деревню.

Но контрафактный клей-ликер, даже забодяженный в Польском царстве, был не по карману всякому, рядовые славяне ходили в лыковых лаптях, и, зная себе, настаивали самогон на Иван-чае и лимонных корках, а выпивая – кричали и беззлобно матерились сакральными прибаутками.

Короче, дремучий рос народ. Проезжает, например, важный, как шестисотый мерседес, государственный дык-писец на тройке. Фрэнчик новый, аглицкого сукна, сапоги из чистого габардина. На груди бряцают три Алконста-Победоносца, да весь в алмазах орден Чуди Первозванного, да вдобавок Владимир Красно Солнышко в петлице. (Везет, скажем, государем уполномоченный и специально обученный дуст на княжескую резолюцию проект Беломорканала). А простые мужики шапки долой, кланяются в пояс:

– Здравия желаем, барин. Да исполнит Дана⁷, барин, ваши желания и сесть, и рыбку съесть; как здоровьице вашей матушки, барин? Погодили бы с оброком, барин...

– Эх, вы, глупые простые мужики, не барин я, а важный государственный писец!

– Кому писец, барин? – не понимают закрепощенные и бесправные, как надувные женщины, мужики.

– Да... – растерянно говорил чиновник. – Пороть и пороть вас надо! – и уезжал восвояси.

Вот почему тогда не построили Беломорканал.

Да что там мужики, сам посконно седобородый, классически седоусый и априори седобровый князь, когда останется один, оглянется по сторонам и высморкается в занавеску. А если какой волхв сие непотребство заметит, то отвернется и покраснеет: неудобно, князь все же.

А если князь заметит, что приبلудный волхв его застукал, то тоже отвернется и покраснеет. Неудобно, все же, служитель культа, а подсматривает. И не то, чтобы у князя не имелось носового платка, просто от народа отрываться не желает, думает, погожу малость. Истинно говорил в подобных случаях великий заморский мудрец, познавший женщин настолько, что они перестали быть интересны, и мужчин настолько, что они не стали быть интересны, Айгер ибн Шьюбаш: «Если ваша корова стала давать меньше молока, не ругайте, не бейте, а просто покажите банку говяжьей тушенки».

Между тем, о волхвах. Невероятно прожорливые и охочие до развлечений, они весьма искусно стригли купоны с трудовых заработков безграмотных и забитых поселян. Стучит нагло один жрец в бубен, собирает честной народ и заявляет:

⁷ Богиня воды, дочь Поренуты, жена Дуная.

– Эгей, славяне, минутку внимания! Последние исследования Пулковской обсерватории показали, что небесный свод представляет собой тело гигантской коровы, покрытое вместо шерсти звездами. Не скупитесь, уважаемые славяне, жертвуйте на сено!

Скинулись добрые пейзажи на сено, а тут как тут новый звездочет:

– Братья и сестры! Я к вам прямо из Пулковской обсерватории! Я в телескоп такое увидел! Чтоб я сдох, не небо над нами, а богиня Леда, которая, изогнувшись дугой, концами пальцев рук и ног касается земли! Совершенно голая!!! Подайте, кто сколько может, срам прикрыть!

Скинулись добрые земледельцы на одежду богине, а тут...

Ясное дело, самим богам подобная стрижка купонов мимо кассы не улыбалась. Проплывает, освещая землю, по небосводу в золоченой ладье Дажбог и спрашивает своего заклятого врага, владыку подземного мира Чернобога:

– Черномазый, а Черномазый, тебе это нравится?

– Чтоб ты так жил.

– И мне не нравится. Наказать придется...

Поэтому очень часто случались засухи и потопы.

На самом деле теневым шефом праславянского Олимпа был Ярило – бог инвестиционного портфеля. Он благополучно жил на рынке ГКО. Но тут младший брат, неверный Чернобог – бог уплаты авансовых взносов налога на прибыль – устроил снижение доходности государственных обязательств и убил Ярило. После «ночи слез», устроив разлив Днепра-Славутича, Леда, богиня депозитарно-клиринговой стратегии, находит тело и зачинает от мертвого мужа сына, бога апелляционных жалоб Перуна. Возмужав, Перун вступает в борьбу с Чернобогом. Арбитражный божий суд признает сына единственным правомочным наследником Ярило.

Победив Чернобога, Перун воскрешает отца. Ярило устраивает снижение темпов инфляции, снижение доходности от операций с валютой, снижение активности на фьючерсном рынке.

Национальная валюта стабилизируется. Сельское хозяйство преодолевает кризисные явления. Все ликуют. Объем экспорта превышает объем импорта.

А вот политическая карта праславянского мира не читалась столь однообразно. Конечно, каждым городищем правил свой князь, и у каждого князя присутствовали свои понятия, как править. Например, в вотчине Халахрона III Мутотеньске Берендейском за влияние боролись две партии: консервативная партия поклонников писать гадости на заборах и либеральная партия орать похабень по телефону:

– Але, вас беспокоят из Центра социальных опросов. Сколько домашних животных в вашей квартире?

– Одна собака. Болонка.

– Передайте хозяевам, что мы перезвоним.

Так и жили. В описываемый момент аккуратно возвысилась заборная партия, благодаря искусной интриге.

Коварные консерваторы инкогнито открыли контору «Секс по телефону» и зарядили телефонный счетчик до зенита. Дальше заказали по модному радио «Европа-скурс» рекламу на домашний телефон главного либерала. И когда тот седьмой раз за полчаса в ответ на невинный вопрос: «Это у вас, крошка, все такое по телефону?» орал весьма озверело: «Я медленно-медленно снимаю штаны и Ай фак ю!», то не ведал, что таким образом приносит средства в партийную кассу противников.

А в целом политика мало занимала исконных славян, ведь они жили почти на курорте. Представьте себе картину Сальвадора Дали «Сон, вызванный полетом пчелы». А теперь мысленно замените паучьи ножки слона на сосны, а тигров на медведей.

Ну как, вам нравится наша Прародина?

* * *

ИЗ ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Средняя температура воздуха на Нечерноземщине составляет в июле, августе и сентябре 18 градусов, в октябре – 13. Поэтому если вы прибыли в гости к братьям-славянам, допустим, летом, а падает снег, то одно из двух. Или вас разыграла турфирма, доставив на самом деле в Гренландию, или справочник, из которого почерпнуты наши сведения о температуре, несколько неточен.

Самые большие скидки на авиабилеты предоставляются политэмигрантам и террористам, но при обязательном условии, что они покупают билеты в оба конца и теряют, не успев воспользоваться.

Ну и напоследок немного полезной информации. В Древней Руси нет кенгуру, не расстет папирус и здесь не производят фотоаппараты ЛОМО-компакт. Древняя Русь очень не похожа на нынешнюю Россию, поскольку почти нет украинских гастробайтеров и никто не пытается расплатиться кредитной карточкой. И в доллар почему-то древние славяне не верят. Еще Древняя Русь не похожа на срединную Австралию, Никарагуа и Якутию. Особенно на Никарагуа.

И самое последнее: посетите гробницу Тутанхамона, хотя до нее путь не близкий. Старика так редко кто навещает.

* * *

День свой семнадцатилетняя вдова-княгиня Озноба Козан-Остра (она взяла такую фамилию, чтоб ничем не напоминала о покойном супруге) начинала с приема челобитников. За секретаря трудился придворный этнограф-латинянин Пурилис.

– Пожаловал на прием, – докладывает Пурилис, – недобрый молодец в малиновых ошметках. Я есть плохо понимать по русски, он сказал, что желает крышу починить.

– Так это ж Васька Таймырский! – обрадовалась вдова. – Он же Семен Майданный и Гаврила Беспринципный, последний бычара, вымирающий вид. Его посадили, когда крыши чинить в страшной моде было, мне пятнадцатый годок стукнул. А приговор ему, между прочим, три репера два дня читали. Просим-просим.

Васька давай с порога пальцы гнуть:

– Але, пирожковая? Если нет крыши, я крышевать останусь, а ежели есть, стрелу забиваем! Хочу ксиву столбового дворянина!

А вдова умиляется, чаем с баранками угощает и просит поболе про «поляны» и «грядки» красных слов говорить, да чтоб этнограф на карандаш брал, пока древнее ремесло совсем не забыто.

Тогда Васька совсем озверел:

– Десять процентов навару мне с владычества морского, и чтоб в учредители записали! И чтоб сама княжна мне прислуживала! А на хоромы завещание! Иначе прикую к батарее и утюгом загар нарисую не хуже чем в Анталии рисуют!

А княжна пустила слезу умиления, и подарила ему шариковую ручку с логотипом:

– Низкий поклон тебе, Васятка, от всего честного люда за то, что народные традиции чтить, фольклор родной земли не забываешь! Записывай, латинянин, каждое слово записывай!

– Так бы и сказали, что под ментами ходите. Сожгите протокол, и я слиняю по тихому за тридевять земель. – И слинял, потому как умели в те времена держать слово.

Из документов: КАРТА БОЛЕЗНИ ПРИДВОРНОГО ЭТНОГРАФА
ПУРИЛИСА

Симптомы: Больной поступил с жалобами на общее недомогание и аллергические явления. При обследовании были обнаружены признаки поражения желчевыводящих путей, желудочно-кишечного тракта, печени, поджелудочной железы. Далее больной жаловался на боли и тяжесть в правом подреберье, снижение аппетита. Было найдено увеличение печени.

Диагноз: описторхоз.

Еще по утрам Ознобушка очень любила с этнографом шутить. То вдруг ни с того ни с сего ему рявкнет: «Ты уволен!», а спустя минуту: «Я пошутила». То вдруг в ответ на его самое невинное замечание вдова, выдержав паузу, изречет: «У меня к тебе большая просьба: думай, что говоришь». Соль подначки здесь в том, что фраза фактически ничего не значит, но звучит пугающе. Наконец, командирше очень нравилось ткнуть этнографа пальцем в грудь и спросить: «А ты помнишь, что у тебя в контракте третьим пунктом?» Прикол, но латинянин с испуга шел пигментными пятнами. А дело в том, что третий пункт в контракте столь же безобиден, как и первый, и второй: Фамилия. Имя. Отчество.

Следующим в распорядке дня стояло «Забавы и игрища». Очень вдова любила забаву «Голый король». Она в чем мать родила выходила к придворным и заявляла, дескать, на ней новое платье. Придворные рдели, аки раки в укропе, но платье хвалили весьма искусно и льстиво.

Еще была такая забава – «Принцесса на горошине». Под простынь на кровати клался банкнот. И Озноба должна была с завязанными глазами без помощи рук угадать, что за валюта, и предсказать, подскочит завтра курс или нет.

Ну, а самое любимое игрище – «Спящая царевна». Княгиня ложилась в кровать, к ней впускали семерых бояр, и, что бы те ни делали, она должна притворяться спящей.

Далее по расписанию – омовение в бассейне. Озноба ходила в бассейн со своим любимцем – лебедем-шипунем. Как они там мылись – неведомо, только недовольного шипения из бани не доносилось.

А что поделаешь, такой уж у нее, у семнадцатилетней вдовы, оказался темперамент.

Подданные вдову любили, ведь телевизоров тогда не было, а Ознобушка давала пищу для ума и языка. Долго ли, коротко ли, о княгине стали слагать легенды. И пошла слава по горам и долам. И дошла в маленькое селенье на Берегу Слоновой Кости.

Селенье славилось имеющими областное значение плантациями китайских бобов «Игнация Амара», вьющегося растения семейства барвинковых. Настойка готовится из растолченных семян. Игнация показана прежде всего для женщин при различных заболеваниях, которые могут быть результатом давно затаенного горя. Это одно из лучших средств при истерии. При увеличении дозы вследствие рефлекторного действия наблюдаются судороги и смерть от удушья.

Малыми дозами у жителей селенья последний раз пришлые спекулянты скупали бобы лет семьдесят пять назад. И еще в этом селении жил колдун Кошубей. Его имя значило: «Не имеющий волос на груди».

Чтобы представить внешность Кошубея, достаточно сунуть два пальца в розетку и потом посмотреть в зеркало. Старый хрыч, чернокожий того оттенка, который можно получить, ежели перемешать содержимое легких шахтера и легких курильщика, плешивый, но не обделенный перхотью, после одной удачно прокрученной аферы он стал считать себя секс-символом всей Центральной Африки.

Он достаточно прочно разобрался в Белой и Черной магии, умел творить карточные колоды с дюжинами тузов и доминошные наборы с чертовыми дюжинами дупелей «шесть-

шесть», умел цельными глотать шпаги, курицу-гриль, и детективы Марининой. Но больше всего гордился трюком, который провернул двадцать лет тому в Мемфисе.

На город случилось нашествие гипопотамов. Оно бы ничего, но всякий, кто в зоопарке побывал в бегемотнике, знает, какой там смрад. И Кошубей, договорившись об оплате, надул минидирижабль, заколдовал его, а затем ткнул булавкой. Раздалось такое громкое «БУМ», что если бы рядом находился Пятачок, он никогда бы не попал к Иа на день рождения.

Гипопотамы в страхе разбежались, а отдельные особи даже занялись фитнесом. Но городская администрация отказался платить, мотивируя тем, что и сами кого угодно надуют.

Тогда колдун достал из докторского саквояжа еще один нулевой дирижабль в смазке, но не простой, а тайваньский, с усиками. Надувной шар из него получился размером со взрыв атомной бомбы, оранжевый, некоторые даже подумали, что над городом встает второе солнце. А Кошубей снова ткнул булавкой.

Однако, на этот раз шар не лопнул. Из дырки со свистом стал вырываться воздух. Свист перешел в чудной красоты мелодию «Не слышно шумов городских на улицах Мадрида, парней так много голубых, а я люблю со СПИДом». И под звуки этой мелодии все женщины Мемфиса построились в колонну и ушли за колдуном. И больше их никто никогда не видел, хотя далеко не все мужья жалели об утрате. Рассказывают, что один мемфисец возненавидел колдуна на всю жизнь, потому как теща из деревни к нему приехала только на следующий день, а тайваньские одноразовые минидирижабли кончились.

В результате досуже чесать языки с магом стало просто невозможно.

– Добрый вечер, не правда ли, чудесная погода? – вежливо раскланивается сосед, наведавшийся с идеей занять толику денег. – Сегодня великий Дажьбог поленился подогнать небесным веслом осетров дождя. – Зачинает сосед издалика. У соседа большие планы: покалякав за погоду, переметнуться на футбол, обхаять «Спартак» или похвалить, смотря куда покажет компас беседы...

– И вы это называете чудесной погодой? Вот когда я в Мемфисе... – тут же включается с неистовостью рок-концерта колдун, и дальше вставить в евовный спич даже скупую реплику никому не удастся. Сплошная гипопотамщина-гипопотамщина-гипопотутщина.

Был только один способ не выслушивать в сотый раз «Балладу о гипопотамах». Это сразу, без предисловий, в лоб попросить колдуна рассказать его любимый анекдот. Тогда колдун, не сходя с места, начинал косноязычно булькать:

– Значит так: племя людоедов поймало финикийца, вандала и скифа... – но и этот в сущности милый анекдотец всем давно осточертел. Поэтому колдуна избегали. Поэтому уже двадцать лет, как некому было разочаровать мага. Поэтому Кошубей продолжал считать себя секс-символом.

* * *

Весть о прекрасной Ознобушке-Зазнобушке на Берег Слоновой Кости принес залетный ибис-пересмешник. Он опрометчиво сел на ветку баобаба рядом с крайней в селении тростниковой хижиной колдуна и чирикнул:

– За тридевять земель отсюда, в сотне полетов стрелы от истоков Славутича-Днепра городищем Мутотеньск-Берендейский правит прекрасная княгиня Озноба, вдова по образу мышления. Она спала со всеми и со всеми сразу. Она перепробовала мужей статных и мужей обрюзгших, мужей меднолицых и мужей черных, как гуталин...

– Это что, – откликнулся ковыряющий в зубах по непреложным законам сиесты Кошубей. – Вот двадцать лет назад в Мемфисе...

У птицы отказали лапы и не выдержали крылья. Шлеп!

– Что-то ты, пернатое, неважно выглядишь. Лучше я тебя развеселю: племя людоедов... черт побери, уже сдох. Что он там плел насчет прекрасной княгини? Она перепробовала всех? А меня? А как же я, малыш? Ведь я же СИМВОЛ!

Картина «Маг, обнимающий мертвого ибиса» отдаленно напоминала известное полотно Петрова-Водкина «Смерть комиссара». Но комиссара впереди ждала вечная память, ибис же спустя минуту был забыт нашим героем. Не родись болтливым, а родись идейным.

И, недолго думая, колдун стал собираться в дорогу. Выкрасил лицо белой краской, поверх нее намалевал фломастерами улыбку до ушей, на нос прилепил пробку из красной пластмассы от патриотического напитка «Байкал». Нацепил рыжий парик, на него водрузил огромную клетчатую кепку, натянул клетчатый пиджак с одной, но большой желтой пуговицей, впрыгнул в короткие полосатые брючки. Костюм дополнили шестидесятого размера малиновые штiblеты с задирающимися вверх тупыми носами. Сейчас он нравился себе так, что даже верил, будто сможет прожить на одну зарплату.

Да, в таком прикиде Кошубей чувствовал себя неотразимым, но все же по пути забрел к Дельфийскому оракулу, чтобы чуть-чуть подновить репертуар.

Итак, мы познакомились с героем. Вместе с ним нас ждут встречи, радости и разочарования. Герой еще почти молод, полон надежд. И, как всякое молодое дарование, вызывает симпатию. Особенно симпатичен девиз героя: «Бороться с перхотью во всех ее проявлениях».

Оракул – слегка прихрамывающее козлоногое существо с отвисшей слюнявой челюстью и мудрыми глазами сатира – обитал в просторной пещере со всеми удобствами, положенными по Декларации о правах человека. Оракул знал все, но ничего не мог. Он врубался, как работает водопровод, но не мог починить кран. Ведал, что вода – это банальное аш два о. Был осведомлен о Большом Взрыве (подробности на сайте WWW.HIROSIMA.RU) и искушен в способах варения нефилтрованного пива из карельской березы, но стоило Оракулу появиться на базаре, как у него тут же умыкивали кошелек. Взвесив «за» и «против», Оракул все реже покидал пещеру, зарабатывая советами. А коль большинство посетителей интересовались одним и тем же, Оракул приобрел и соответствующее прозвище – «половой теоретик».

Нестандартно мыслящий Кошубей атаковал апатичного Оракула с фланга:

– Меня зовут Кошубей!

– А меня нет. – Апатично промямлил измученный потребительским прессингом дельфиец.

Мы чуть не забыли привести описание жилища, точнее, перщеры, где вся сия тусня пузырилась. Ладно, забыли.

– Мне позарез нужен новый анекдот, – безапелляционно щелкнул каблуками герой.

– Что вы себе позволяете? – решил сачкануть козлоногий. – Я специализируюсь на сексе, каширной рекламе мобильных телефонов и антимарчайтанзинге. То есть даю советы, как под видом все щупающего покупателя переставить в магазине конкурентов товары так, чтобы их не покупали.

– Мне для того и надо. – колдун знал не меньше красивых слов из «Словаря юного маркетолога», только из врожденной деликатности стеснялся их употреблять во всеуслышание.

– Любопытная форма извращения.

– Нет, меня неправильно поняли. Я намереваюсь пронзить девичье сердце каленой стрелой из колчана остроумия.

– Идиот какой-то. О, Зевс, почему ты присылаешь одних идиотов?! Слышь, приятель, давай я лучше научу, как бесшумно прокрасться мимо жены, если поздно вернулся. А если нужен свежий анекдот, ищи на anekdot.ru.

– Какие еще «ру»? – тупо щелкнул челюстью колдун, ведь был родом из Африки.

В общем, стороны не поняли друг друга. Оракул стал играть в молчанку. Но после попытки неременной «Балладой о гипопотамах» выдал анекдот о том, как царь вызвал финикийца, вандала и скифа и говорит... Еще через час истекающий ушной серой Оракул раскололся на анекдот о том, как финикиец, вандал и скиф попали на необитаемый остров. После чего Дельфийский Оракул замолк навсегда, будто первый электронный адрес на Яндексе, задушенный СПАМами. А маг щелкнул пальцами и вмиг оказался у ворот Мутотеньска Берендейского.

* * *

Аккурат в тот день любезная княгиня пробовала новую забаву. Она бегала по дворцу, ныла, хныкала, ревела, стонала (стенала), рыдала и рвала на себе волосы цвета вороного крыла. Короче, притворялась царевной Несмеяной.

– Неужели меня никто не развеселит? – вся в слезах и губной помаде, хваталась она за лацканы Пурилиса.

– Как же, матушка. Развеселят, – умеренно виновато отвечал этнограф, будучи латинянином, завсегда смиренно готовый волочить на гору крест. – Явилось двое весельчаков-потешников: филистимлянский витязь Трахохотун и колдун из Центральной Африки Кошубей.

– Так что же ты сидишь? Зови!

Из документов. ВЫПИСКА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ С ПОСЛЕДНЕГО МЕСТА РАБОТЫ ВИТЯЗЯ БРЕХОХОТУНА.

...За время работы Брехохотун показал себя волевым человеком. Он упорно лез с советами к каждому показавшемуся на горизонте вышестоящему начальнику. Упорно каждый день требовал повышения зарплаты. Не портил и даже не касался казенного имущества. Пользовался любовью среди пожилых сотрудниц. Аморально настойчив...

Явились гости. Слегка (глобалистски далеко от термина «на бровях») пьяный Брехохотун – косоглазый кривоногий кряжистый мужик с широкой лоснящейся физиономией того типа, который с одинаковой вероятностью можно встретить и на Межбанковской бирже, и при ларьках у Сенной площади. Костюм его составляла облысевшая в ратных туснях тигровая шкура, отмеченная по-холостяцки плохо застиранным штемпелем пансионата «Дюны». Как и положено настоящему мужчине, герой слегка попахивал тройным коньяком, пятацвездочным одеколоном «Подмышки Геракла» и типографской краской модных журналов типа «Крестьянка», «Яхт-клуб» и «Клубничка». Любимыми его преступлениями были статья 156 (обман потребителя) и статья 102 УК РФ (умышленное убийство с особой жестокостью). Еще в дверях как бы нечаянно косоглазый споткнулся об свой же болтающийся на перевязи длинный меч и растянулся на полу. Княгиня прыснула. Колдун заскрипел зубами (он тут же возненавидел этого выскочку) и постарался исправить положение.

Маг вежливо приподнял кепку. Он задумывал ее обронить. (Не правда ли – шикарная находка?) Но кепка, не к селу проявив недюжинные аэродинамические свойства, полетела не вниз, а на бредущем и козырьком попала Ознобушке в глаз. Потерпевшая сторона интеллигентно промолчала.

А коварный витязь показал даме указательный палец. Это было так смешно, ну так смешно! Маг тут же выпрямил средний палец, но почему-то натолкнулся на непонимание. Тогда колдун задвигал ушами. Уж в этом искусстве противнику его не превзойти! Но жалкий трус и не попытался, он просто громко отрыгнул и деланно сконфузился. У доверчивой, желанной, наивной Ознобы от смеха на глазах выступили слезы.

Ладно, подумал Кощубей, не зря я пытал Оракула. И рассказал с выражением и «выражениями» о том, как царь вызывает финикийца, вандала и скифа. Этот выпад сластолюбивый Трахохотун парировал анекдотами о Надежде Константиновне, поручике Ржевском и Василии Ивановиче. Анекдотики так себе, и рассказчик из приبلудного забияки, я вас умоляю, но почему-то дева зашлась набатным смехом.

Колдун утер выступивший холодный пот и поведал о том, как финикиец, вандал и скиф оказались на необитаемом острове. Но что один анекдотик перед выданной омерзительным витязем горячей десяткой анекдотов о Штирлице, Вовочке и новом русском?

«Ах, так?» – Решился маг ввести в бой свое главное оружие. «Получай, вражина!»

– Племя людоедов поймало финикийца, вандала и скифа. Вождь говорит: «Мы вас с удовольствием съедим, но если кто-нибудь выполнит одно из трех условий – отпустим. Или платите сто монет, или кушаете мешок червяков, или все племя вас пользуется противоестественным образом». Финикиец отдает сто монет и уходит. Вандал выбирает мешок дождевых червей, съедает, уходит. Скиф тоже выбирает червяков. Съедает половину: «Больше не могу, пользуйте меня противоестественным образом». Полплемени отпользовало. «Больше не могу, вот вам сто монет».

– Недурственно, – почти перебил Трахохотун, не дав фараонше даже успеть улыбнуться. – А теперь моя байка. Плыли по морю пираты. Никакого женского общества. Тогда капитан приказал насверлить в бочке дырок соответствующего диаметра и отдать ребятам. Бочка вскоре наполнилась, ее засмолили и – за борт. Выловил бочку старый рыбак, надевал из содержимого свечей и продал в женский монастырь. Через энное время у монашек стали рождаться дети. Настоятельница провела расследование, изобличила рыбака. Общими силами засунули его в пресловутую бочку, засмолили и снова в море. Плывут пираты: «Здрате, это наша бочка!» Выловили. Вскрыли. Там мертвый рыбак. «Жаль, передержали немного, а так отменный пират вышел бы».

Ознобушка упала на спину и задрогала ногами. Смех ее душил, будто бюсгальтер, который на три размера меньше. Однако колдун не сдался и решил снова повторить анекдотец о людоедах, мало ли, с первого разу не дошло. А о мемфисских бегемотах ему рассказать уже не дали.

Трахохотуна отвели в спальню, Кощубея на улицу. Но не отпустили. Спустили полосатые штаны, крепко шнобелем в упор привязали к позорному столбу и облили задницу пахучей жидкостью. Колдун остался очень недоволен, что у него не спросили последнее желание.

Небо гневно заскрежетало прокуренными зубами туч. Вот-вот пустит первую струйку слюны. «Знакомый запах, – отрешенно подумал волшебник, он все еще переживал негодование по поводу скудного чувства юмора княжны и не вникал в текущие проблемы. – Мы это проходили в первом классе школы магов. Это лекарственная настойка на корнях какого-то растения. Кажется, помогает от сердца. Кажется, это валерьянка. Когда двадцать лет назад... Ой, что это?»

Из окрестных подворотен к голой душистой заднице Гандольфа устремились, жадно урча, рыжие, пегие, полосатые и даже сибирские и сиамские коты. С самыми недвусмысленными намерениями.

– АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!.. О, великий Осирис, клянусь никогда больше не подкладывать магнит под весы! – приблизительно так кричал колдун, полосуемый острыми, как взгляд продавщицы винного отдела, кошачьими когтями.

А в это время в опочивальне прекрасная Озноба заговорщически улыбнулась витязю:

– Милый, давай проведем эту ночь как-нибудь необычно.

Отрывнув лишний раз для интенсификации легких доверительных отношений, бродячий меченосец наморщил лоб:

– Может, просто выспимся?

- Фи. Вам, мужикам, всем одного надо.
- Может, всю ночь будем смотреть по видику «Звездные войны», и я тебе покажу мои любимые места?
- Тогда уж лучше на компьютере рубиться в «Тетрис», – улыбнулась соблазнительно красавица.
- Кто проиграет, должен пачку чипсов, – кивнул Трахохотун, имя которого означало: «После первой не закусывающий».

* * *

(22 ч. 31 мин.)

– АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!!

(04 ч. 27 мин.)

Наконец коты, в поисках виртуальной валерьянки шинкующие задницу Кошубея, изодрали веревки. Колдун оказался на воле.

* * *

Как-то раз великий заморский мудрец Айгер ибн Шьюбаш собрал своих учеников и рассказал такую притчу: «Шир-Мамед, почтенный сын своих родителей, надумал заняться ремонтом. Купил красной краски, покрасил стены и потолок. На пол не хватило. Тогда он купил синей краски, покрасил стены и пол. Не хватило на потолок. Тогда он купил зеленой и коричневой краски, смешал и все покрасил. Но цвет вышел несколько неопределенный, и Шир-Мамеду не понравилось. Тогда он решил выкрасить все в черный и отправился в магазин покупать две банки черной краски. А в магазине выяснилось, что у Шир-Мамеда не хватает даже на одну. А теперь представьте его положение. Деньги телеграфом вышлют только через полмесяца. Один в чужом городе в провонявшей краской гостинице».

Вот до чего доводят необузданные желания. И, может быть, знай наши герои эту притчу, ничего бы страшного не приключилось. Но персонажи не ведали, что творят, и события развивались с неумолимостью.

Бар «Кранты», оформленный в мавританской традиции турецкими сезонными малярами, работал до шести утра. Это было любимое место тех, кто решил покончить самоубийством. Неврастеники, ипохондрики, хронические неудачники со всей округи составляли девяносто пять процентов клиентуры, остальные пять процентов приходились на долю находящихся под следствием.

И поскольку невезение – это состояние души, то есть невезучий человек подсознательно желает оставаться невезучим, лелеет свою любимую невезучесть, как дачник грядку картошки, обстановка и сервис в баре были соответствующие. Каждый день персонал мазал сиденья стульев резиновым клеем, подпиливал ножки стульев и красил долго сохнущей краской дверные ручки. Скатерти не только не менялись, а и добавочно намазывались толстым-толстым слоем липкого шоколада. В солонки насыпался сахар, в сахарницы – dust. Ножи специально тупились, но на ручках искусный слесарь делал по несколько острых, как язык, зубурин. Постоянным клиентам подавались столовые приборы, через провода подсоединенные к шокерам. Сюда, прикрыв лопухом саднящую задницу, заглянул сбежавший с позорного столба Кошубей. В эту трагическую минуту он был красив, как Папа Римский, голодающий третью неделю против распространения православия на Запад.

– Здравствуйте, садитесь, что будем пить? – сказал вежливый бармен, указывая на стул, в днище которого был вбит гвоздь «сотка».

– Нет, спасибо, – даже не глянув на стул, отказался маг, – стакан молока, пожалуйста. Ох, как я ей отомщу! Как отомщу! – странное дело, неудача в потешном многоборье раз и навсегда отучила Кошубея всюду соваться со своим любимым анекдотом и «Сагой о гипопотамах».

Бармен налил полную пивную кружку вермута. Звали бармена Шкалик. Его имя на древнем языке не значило ровным счетом ничего, да не встретится в его ночных приключениях Лихо Одноглазое.

– Как я ей отомщу! – колдун залпом опрокинул кружку. – Я превращу ее в дорожный знак «Осторожно, дети!», и каждый бродячий пес будет отдавать ей честь задней лапой! Рюмку вермута, пожалуйста.

– Одну минуточку, – вежливо кивающий головой бармен вышел из-за стойки, на цыпочках подкрался к задремавшему под табличкой «Танцовщиц с рук не кормить» клиенту, худому, жилистому фермеру, хозяйство которого на днях спалили завистливые колхозники, вставил в руку жертвы клочок бумаги и поджег зажигалкой «Крикет». Вернулся, опять же зажигалкой раскалил ручку подстаканника, в стакан которого налил антикварную водку «Распутин» (забадженную из антикварного спирта «Рояль») и аккуратно, через тряпочку, протянул магу.

– Позвольте предложить тост: "Серый волк встретился с Красной Шапочкой. Девочка не удержала на аркане кобылицу своего языка и рассказала про бабушку. Волк побежал вперед, съел бабушку и стал ждать. Так выпьем же, с позволения бога Ослад⁸, за тех, кто нас всегда ждет!"

Маг всей пятерней ухватил ручку подстаканника, пусть пальцы зашкварчали яичницей, маг выпил залпом, не чувствуя боли. Столь велика была его обида.

– Нет, я превращу ее в новобранца, распределенного в часть, где нет земляков! Рюмку водки, пожалуйста.

Бумажка в руке фермера догорела до пальцев. Фермер слабо вскрикнул, ничего не выражающими глазами посмотрел на пальцы, насыпал из перстня в рюмку яд, выпил и снова упал головой на стол. Сидевший за другим столом карточный шулер с правой рукой в гипсе (Угадайте с трех раз – почему?) встал, воровато оглянулся, подошел к мертвецу и, умыкнув из кармана худой бумажник, засеменил к выходу.

– Одну минуточку, – бармен выскользнул из-за стойки, ухватил за край ковровую дорожку и резко дернул на себя. Карточный шулер расколол череп о каменные ступеньки, а бармен вернулся на место и пододвинул колдуну бутылку уксуса. Колдун увидел, как за окном некто выводит на заборе белой краской: «Лидер либеральной партии – козел!»

– Точно! – Кошубей хлопнул рукой по усыпанной канцелярскими кнопками стойке, – я превращу ее в козу, и пусть она с утра до вечера блеет от горя! – колдун раскрутил винтом бутылку, вылил содержимое в пасть и, пошатываясь, побрел к выходу. Его развезло.

Кошубея испепелял терновый кустер обиды. Аж самому удивительно: еще вчера он так гордился собой, что не замечал недостатки других. Еще вчера он легко бы перенес чужую неудачу. За что Небо сотворило с ним такую несправедливость, почему не с тем анонимным олухом, который в чатах подписывается «Мерлином»?! Кому Кошубей помешал, находясь на том месте под Солнцем, на которое никто не претендует, когда Солнце спрячется за тучи?! Разве часто Кошубей опаздывал на работу? Разве виноват, что хата с краю и в сезон дождей нет пожаров, чтобы старушку из огня вынести?! НЕ ВИНОВАТ, И КТО-ТО ЗА ЭТО ОТВЕТИТ!

⁸ Бог веселья, пиров и гуляний. Верный спутник Лады

Бармен выждал и нажал красную кнопку. Под ногами мага открылся потайной люк. Но Кошубея как раз здорово качнуло, и он, дыша духами и туманами, в люк не попал. Не попал он с первого раза и в дверь...

* * *

Было раннее утро. Зевота выворачивала челюсти. Наспех попискивали подзагулявшие комары. Делали последние виражи ночные бабочки. На трамвайной остановке топтался в ожидании первого трамвая одинокий гражданин. Он не ведал, что трамвай еще даже не изобрели. На востоке жареным по китайскому рецепту апельсином загоралось светило, тормоза расплзающиеся по небу тучи-улитки.

Двое стражников у ворот дворца травили анекдоты. Левый:

– Значит, так: поле боя, трупы, трупы, трупы. Идет солдат, трофеи шакалит. Вдруг из канавы: «Браток, помоги, раны болят, сил нет терпеть. Добей», «Нет проблем» – солдат шарахнул раненого шестопером... «Спасибо, браток».

Вместо засмеяться, крепко призадумался товарищ по оружию, и радость догадки, погода, озарила его портрет. Через минуту правый стражник откликнулся:

– Ага, значит, раненый был в кольчуге.

Было раннее утро. В Славутиче-Днепре плескались бобры, голодные, бодрые и злые, хотя в принципе бобры – добры, а злы – козлы. Двое стражников у ворот дворца с интересом следили за приближающимся господином. Господин спотыкался, невнятно матерился и падал. Наконец подошел.

– Пароль? – весело рывкнул левый стражник, имя его не приводим из-за грифа «Секретно» на личном деле, а в переводе оно значило «танцующий с севшим картриджом».

– Я тебе, ик, ща, мать-перемать, такой пароль зафигачу! – с трудом выговорил Кошубей, медленно замахиваясь.

– Э, ты чего?! – отпрыгнул стражник на два шага, настроение у него явно испортилось, но пульс не участился, поскольку вместо левой руки болтался протез.

– А может, и ты, твою мать-перемать, хочешь, ик, пароль? – свирепо посмотрел колдун на второго и чуть не упал.

– Да нет. Не нужен мне никакой пароль. Я тут просто так стою. За команию, – на всякий случай отступив, опасливо пробубнил второй стражник. Парень был отважный и не мелочился.

– Ну, он же должен сказать, – начал виновато первый. – Мы должны спросить: «Пароль?», а он должен ответить: «У вас продается скифский шкаф» Тогда мы...

– Какой еще, на фиг, шкаф? – снова стал заносить для удара руку маг, но его вдруг стошнило. Пока колдун отплевывался, стражники подхалимски ловили его взгляд.

– Какой еще шкаф, на фиг? – Кошубей тяжело двинулся в атаку. По уровню трагического накала эта сцена более всего напоминала картину известного русского художника Ильи Репина «Бурлаки на Волге».

– Вот черти, – сам себе сказал наблюдающий в окно начальник караула. – Тот еле на ногах держится, свинья пьяная, а они от него драпака. Гнать таких из ВОХРы надоть, – злопыхатели шушукались, что начкараула ищет приключения на большую голову не по средам и даже не по понедельникам, а по субботам, а также подпольно коллекционирует мелодии для мобильных.

– Вот черт или, как это по-славянски, Ой, ты, гой, Чернобог побери, – сказал сам себе наблюдающий в окно начальник караула. – Никак эта пьяная свинья, разогнав стражу, сюда сунулась? Пройдусь-ка я, проверю южный пост. – Начальник караула имел боли в правом подреберье, тошноту, изредка рвоту. Короче, имел дискинезию желчных путей.

Так Кошубей снова оказался во дворце.

Ясное дело, ему пришлось поплутать в поисках княжеской опочивальни. Он то путался в портьерах, то подымался, то спускался ступеньками, часто падал. На кухне он спугнул лебедя, который колонковой кисточкой на мраморном полу рисовал мышьиные следы от пустого мешка из-под гречи к норке, и опрокинул казан со вчерашними щами. В потемках кладовой столкнулся с крепко нагруженным столовым серебром мужиком, который посоветовал не соваться на третий этаж, мол, там не спят. Но однажды колдун оказался в просторном, затемненном сдвинутыми шторами зале.

Из мрака колдуну навстречу выступила пахнущая «Милки Вэй» женская фигура и дала пощечину:

– Ты опять шляется всю ночь! – сказала фигура очень мелодичным, прямо-таки чудесным голосом. – Я, дура, тебя до утра прождала! – фигура зарыдала и опять дала пощечину. Лица было не разглядеть, но по контурам фигура принадлежала Венере Милосской (с руками). – А ну, дохни! Опять нажрался?! Ну почему? Ну почему тебе нужно шататься по грязным шлюхам? Разве я запрещаю приводить твоих друзей-алкоголиков сюда и пьянствовать хоть неделю подряд? – фигура вновь дала пощечину и внезапно прижалась к колдуну аппетитной, упругой, как батут, грудью. – Ты пойми, ведь я люблю тебя. Люблю, люблю, люблю! – Кошубею, вдыхающему свежий аромат, исходящий от девы, пришло на ум, что Озноба подождет, что, раз дева любит кого-то, можно в темноте этим воспользоваться...

– Неужели ты меня не хочешь? – страстно, сквозь слезы зашептала фигура. – Возьми меня, возьми меня прямо здесь, на адыгейском ковре. Пусть таракан твоего желания спрячется под кокошник моей любви, и между нашими телами не останется места для бога Хорса⁹. Возьми меня, и я прощу, что ты заразил меня сифилисом!

Кошубей вспомнил, зачем он здесь, отстранил деву и спросил сдавленным голосом:

– Извините, гражданочка, вы не подскажете, ик, где опочивальня княгини?

Фигура отпрянула и растворилась, шепнув:

– Следующая дверь направо. Говорила мне мама, не женись на дегустаторе.

Маг тяжело протопал недостающие метры, с треском распахнул дверь. И налитыми кровью глазами увидел ложе, и на ложе ее. Одну.

Озноба открыла глаза, хлопнула ресницами, как мотылек крыльями:

– Сейчас вернется витязь и свернет тебе челюсть, – сказала спокойно княгиня и зевнула.

Мага качнуло. Чтобы не потерять равновесие, он попытался ухватиться за дверную ручку, не попал, лишь задел ладонью замочную скважину туалетной двери, за которой заблудившийся, но не теряющий присутствие духа Бредохотун пытался пропихнуть в тесное, как новые ботинки, слуховое окно все тот же узел со столовым серебром. Такой вот, блин, джентльмен. Повитязил и выбросил. От имени всех брошенных и обокраденных женщин пожелаем ему быть растерзанным дикими, свирепыми озерными пиявками.

– Ну тогда делай со мной что хочешь! Исполни свое самое заветное желание. Только скажи волшебное слово, – выдохнула, не дождавшись витязя, вдова, откинула на атласную подушку голову, раскинула руки и раздвинула ноги. Обнаженная, как провод.

"Что я хочу? Зачем я сюда приперся? Какое волшебное слово? Помню, было у меня последнее желание, но вот какое?.. Перемать-мать, – подумал маг, – нельзя столько пить, память отшибло, – и пробормотал стандартное волшебное заклинание: «Трах-тибидох!»

– Зачем? – Успела жалобно вскрикнуть фараонша, покрываясь шерстью.

– Душа болит, ик, – вполне серьезно ответил маг и рухнул, как подкошенный на освободившуюся кровать.

⁹ Ипостась бога Солнца. Правит с 22 декабря до 22 марта

Из документов. ВЫПИСКА ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ КОЩУБЕЯ.
12.01.84. Принят на должность визажиста сумасшедшего дома N 7.
15.02.85. За невменяемость стиля уволен без комментариев, без комментариев, без комментариев... Подпись: Торшер.
03.02.86. Взят и. о. пассажиров с детьми и инвалидов в общественном транспорте.
04.02.86. Уволен потому, что нашел место лучше.
05.02.86. Принят шаманом племени Нубонга Интернешнл.
08.02.86. За участие в разработке вируса СПИДа награжден Нобелевской премией.
09.02.86. Уволен по несоответствию собственному желанию.
28.02.86. Принят четвертым богатырем в охранное предприятие «Васнецов и К».
29.02.86. Работал крышей. Уволен из-за нехватки листового железа.

* * *

В десять утра, точно по расписанию, попахивающий конопляным маслом протеже птицы Алконост¹⁰ латинянин Пурилис, постучавшись, нацелился на опочивальню княгини. Незапертая дверь со скрипом открылась. Привычным движением шеи откинув со лба непокорные патлы, Пурилис ступил вперед, поскользнулся босой пяткой на оставшейся после трансформации эктоплазме и упал, уронив букетик фиалок. Висевшая за спиной гитара жалобно загудела. Цветы тут же были слизаны языком невесты откуда взявшейся молодой козочки.

Крупная голова с огромными, голуbizны невероятной, глазищами и длинными бархатными ушками. Узкие точеные копытца. Тонкий хвостик с кокетливой кисточкой из длинных волос. Окраска песчано-серая с темной полосой вдоль хребта и пересекающей ее полосой на лопатках. Если бы сию милую животинку увидел известный русский художник Шишкин, он бы не писал «Утро в лесу» с какими-то там вонючими медведями.

Животное умными глазами грустно посмотрело на человека, хлопнуло ресницами-махаонами и лизнуло руку. Бог завещал латиносу любить всякую тварь, поэтому Пурилис погладил животное. Поднялся, отряхнул колени драных джинсов, огляделся.

За минувшие часы дизайн княжеской опочивальни не изменился. Внизу вдоль стен, подобно нарядному цоколю, проходила изразцовая панель, выше располагался узор из стука, покрывавший стены до потолка. Используемые различные материалы несли одни и те же декоративные идеи, выполняли тот же самый рисунок в духе помпезного азиатостандарта. Эти безумно дорогие материалы оживлялись раскраской и легкой позолотой. Глаза бы не видели.

Пурилис не поощрял страсть княгини к роскоши, но Озноба не поощряла разговоры на эту тему. Поэтому латинянин презирал убранство дворца молча. Вместо вычурного столика из эбонита он, например, предпочел бы простой каменный стол. Вместо портьер из абиссинского шелка – нормальные холщовые занавески (можно – расшитые фенечками), вместо огромной кровати с балдахомом... А что это за тусовщик разлегся на кровати? Эту красную кнопку вместо носа не спутать. Никак, давешний колдун? С беднягой обошлись вчера жестоко, и он имеет полное право отдохнуть, но вот...

¹⁰ Зоревая птица с человеческим лицом. С восточных ветвей Мирового Древа первой встречает рассвет

– Брат, – стал Пурилис трясти Кошубея за плечо, – я вас хорошо понимаю, и даже целиком на вашей стороне, я тоже считаю, что не роскошь украшает монарха, а дела. И я вместо этого персидского ковра постелил бы сушеный душистый чебрец. Но у княгини иные взгляды, и она не одобрит, что ваша коза на ковре сделала кучу. (Проистекающий из рта спящего конкретный запах навел латинянина мысль о нарушенном кислотно-щелочном балансе, а далее, по ассоциации, – мультфильм «Ежик в тумане».)

Наверное, колдуну стало стыдно, и потому он никак не отреагировал.

Латинянин всегда знал, что убеждением можно добиться гораздо большего, чем силой. Он перекинул гитару со спины вперед и, закрепляя успех, запел в нос:

*Мою любовь нельзя продать,
Но что нам не нужно – это любовь!
Хочешь не узнать тайну?
Вот она: я хочу испортить вечер
Вечер легкого дня...*

Обычно каждая песня Пурилиса начиналась приблизительно так. Далее он принимался что-нибудь изобличать, а заканчивал чем-то вроде: «Мы не все – люди, мы все – уже не дети. Возьмемся за руки. Миром движет любовь...» И так – пока не остановят прямым в челюсть или поленом по темячку.

Но на этот раз ему стала подпевать козочка:

– Бе! Бе! Бе!.. – очевидно, она хотела объяснить, что сокрытая в музыке вселенская тоска не чужда и ее сердечному сосуду чувств.

Колдун рывком сел на кровати и тупо уставился на исполнителей. Лицо, если это можно так назвать, покрылось мертвой зыбью.

– Брат, я тоже считаю, что не роскошь украшает монарха, – тут же прервал бряцанье на гитаре латинянин и придвинулся ближе.

Колдун подумал над мудростью услышанного изречения и ничего не смог возразить по существу.

– Я не сторонник вычурного столика из эбонита, – радостно поделился латинянин, шаркнув босой ногой. Кажется, он нашел родственную душу.

– Бе-бе, – сказала козочка, тоже явно претендуя на дружеское участие.

Маг посмотрел по очереди на столик, козу-дерезу и босого латинянина, присмотрелся – точно босой (каков подлец), зажмурился, перекрестился и снова посмотрел. Кошубей вел себя так, словно ему на экзамене по сценическому мастерству попался билет "Образ лишнего полупроводника в электрической цепи утюга «Браун».

– Миром правит любовь, – привел свой главный аргумент латинянин, застенчиво теребя заплату на джинсах. Так трудно, но приятно найти настоящего товарища.

– Ну, я вчера и нажрался, – поделился в свою очередь Кошубей. – Всякая бредятина мерещится.

– Брат, твоя коза...

– Это не моя коза. Пошли вы нафиг! – отрезал колдун, двинул певца кулаком в глаз, снова рухнул в кровать. И тут же, что интересно, захрапел.

Загадочная блудная душа.

Коза печально посмотрела на певца. Певец вздохнул, осторожно щупая набирающий сок синяк, желтый, как карта Китая. Если бы не убеждения, он бы показал этому хаму. Но животному нужен хозяин. Латинянин гордился тем, что умеет быстро принимать решения, он снял с шеи огромный крест на тесемке, из тесемки сообразил поводок и захомотал козочку.

Животное по-своему скотскому характеру стало упираться, но это для ее же блага! Пурилис осторожно выглянул за дверь. Никого. Вытер о штанину руку, липкую от страха, как не мытые месяц волосы. На цыпочках он потащил животное коридором. Чтобы зверь не издавал лишних звуков, на морду натянул хайрастку. Кто не знает – это кастрированный головной убор.

В одном месте пришлось переждать за колонной, пока пройдет совершающая утренний обход стража. Начальник караула за что-то распекал подчиненных, гремя фряжскими латами, как домохозяйка кастрюлями:

– Идиоты, он же еле на ногах держался! Если бы я не проверял южный пост, одной левой справился бы!..

В другом месте из-за стены журчали женские причитания:

– Ты снова шлялся всю ночь! Я, дура, тебя до утра прождала! Да превратит Бус Белояр¹¹ выпитое тобой за ночь в ведро помоев с размокшими окурками!.. Говорила мне мама: «Не выходи замуж за дегустатора!».

– Опять мыши цельный бидон молока вылакали! – слышалось с кухни.

Дворец просыпался. Пройти в темное мрачное дворцовое подземелье, да еще с упирающейся козочкой на поводке, было делом архисложным. Но есть бог на свете. Пронесло. Наконец латинянин и животное оказались в самом заброшенном уголке подземелья.

Настенные надписи были традиционны, они содержали сакральные непонятные для простых смертных изречения типа: «саперные грибы», «унитазный позор», «город стоматологов» и цитаты из аналов правящих династий типа: «Он был женат двадцать лет и при слове „шейпинг“ тянулся к пистолету», или «дюжина поцелуев ниже спины революции». Строители умело использовали особенности гранита, материала твердого, малоподатливого, тяготеющего к широким плоскостям и резко подчеркнутым граням. Сейчас тон помещения казался слегка желтоватым, но сквозь «загар» веков проступал серебристый цвет камня. С потолка мерно капала вода. Под ногами шуршали прелые лохмотья бересты, использованные неведомыми гостями вместо газет.

– Чья козлица? – спросил тогда Пурилис. Он спросил столь тихим шепотом, что даже эхо не откликнулось. – Последний раз спрашиваю: чья коза? – не повышая голоса, упорствовал просвещенный латинянин.

Тишина.

В третий раз открыл рот Пурилис:

– Ну, как знаете. Каждого персонально опрашивать не собираюсь – и со спокойной совестью повел находку на базар. Животное не виновато. Его следует отдать в хорошие руки. Лицо латинянина заняла улыбка шириной в диссертацию психоаналитика.

* * *

Пурилис был очень доволен собой. Он стоял с товаром на базаре – так сказать, дебют, и его принимали всерьез. Вокруг звучали любопытные речи, например:

– Сначала я ее поставил на учет, а затем открыл капот и сделал техосмотр.

Пурилис, благодаря воображению поэта, живо представил обозначенную цену и покраснел.

Ах, что за прелесть – праславянские базары. Справа вежливые кидалы предлагают поменять сто баков на рубли по хорошему курсу, сзади какой-то самаритянин, налиставшийся журналов мод, метит облегчить так называемый на жаргоне «чужой» задний карман. Слева колоритная торговка лотерейными билетами предлагает посторожить вещи, пока вы

¹¹ Мифологический герой, богатырь, князь Русколани

будете преследовать самаритянина. Впереди вас ждет крупный выигрыш, если соблаговолите, дав в залог энную сумму, указать, под каким наперстком находится шарик. Шум, брань, мычание, бляение, рев – все сливается в один нестройный говор. Мешки, сено, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа, ни один крик не выговорится ясно. Только хлопанье по рукам торгашей слышится со всех сторон. Говорят, здесь даже встречаются люди, получающие кайф от уплаты налогов.

Неожиданно латинянин «услышал» чей-то взгляд. Рядом с Пурилисом остановились двое в косоворотках и, не обращаясь к нему, громко заговорили:

– Сейчас с оформлением большие проблемы. Если транспортное средство не растаможено, потом приходится еще втрое больше заплатить. – Один был лысый, как крышка.

– Это если по черному, или без отчуждения. А зачем мне транспортное средство без отчуждения? – Другой был лохмат, аки веник.

– Да, без отчуждения никак. Вот, смотри, мужик козу продает. Небось не растаможеную.

– Эй, мужик, у тебя коза растаможена?

Пурилис не нашелся, что ответить. Его патрон – зоряная птица Алконст – отлучилась на перекур.

Двое в косоворотках принялись в лупы изучать животное. Один заглянул под хвост и огорченно присвистнул. Другой взглянул на зубы и печально зацокал языком.

– Реэкспорт. Лохматка. Не растаможена. – В один голос обреченно констатировали двое. – Хочешь десять серебрянников?

Пурилис наморщил лоб на всякий случай. Если его собеседники не поверят, что он все понял правильно, то хотя бы решат, будто в принципе он не глупый парень.

– Ну, раз без отчуждения, я согласен. Она должна попасть в хорошие руки.

Двое переглянулись с таким видом, словно у них отключили горячую воду. Их улыбки стали похожи на январские графики продаж в компаниях, специализирующихся на кондиционерах. Мы вкалываем, а он брезгует торговаться. Надо было еще меньше предлагать. Но делать нечего. Пурилису были выплачены деньги, животное обрело новых хозяев. (А через полчаса козу втюхали странному человеку в черном.

– Даете гарантию, что она не в угоне? – сурово спросил черный.

– Да, гарантия – три года, – ответили двое хором.)

А к Пурилису подошел цыган и заворковал:

– Эй, молодой-дорогой, выручай. Гаишники наш табор задержали за превышение скорости, взятку требуют, а у меня только один золотой, и никто разменять не может. Выручай, дорогой-молодой, разменяй хоть как-нибудь, хоть двадцать серебрянников, хоть пятнадцать, а то целый золотой гайшникам достанется. – Цыган был косоват, малозуб и сед. В правом ухе – золотая серьга, изображающая священного павиана на охоте за блохами. Движенья цыгана на подходе к латинянину были невероятно плавными и не торопливыми из прогноза, что в противоположную сторону смуглому придется уматывать рывками и в бешеном темпе.

– У меня только десять, – молодой-дорогой виновато развел руками.

Цыган удрученно кивнул (серьга качнулась, павиан поймал блоху) и подмигнул:

– Давай десять, лишь бы не гайшникам.

– Лишь бы не гайшникам, – кивнул Пурилис, получая золотой.

– Бормочились? Ты что тут делаешь? Что у тебя с глазом? – спросил вдруг товарищ с кипой газет «Вещий комсомолец».

– Я не Бормочилис. Я – Пурилис. Я струны для гитары новые покупаю, – сказал придворный и тут же сам себе поклялся больше никогда в жизни не врать. В гражданине он

узнал редкатора-корреспондента-продавца «Вещего комсомольца» Баян-Корытыча. Так сказать, четвертую власть Мутотеньска-Берендейского.

Баян-Корытыч выглядел не очень, и даже пятна типографской краски его не красили. Четвертая власть страдала болезненным и учащенным мочеиспусканием. В моче часто обнаруживала гнойные нити в виде запятой. При ректальном пальцевом исследовании врачи констатировали, что предстательная железа несколько увеличена, плотная, слегка болезненная при нажатии. У Баян-Корытыча был простатит, но он никому об этом не рассказывал.

– Это не важно, Дурочилис, что ты не Бормочилис, – сказал веско редактор-корреспондент. – Купи газету.

– У тебя будет сдача с золотого? – Продавец козы полез в карман за вырученными деньгами.

Баян-Корытыч тут же потерял к латинянину интерес и заорал на всю толпу:

– Покупайте «Вещий комсомолец»! Ужасные новости! Один грамм никотина убивает лошадь, человек – более живучь, ему для успешной смерти требуется девять грамм свинца! Покупайте «Вещий комсомолец»! Ужасные новости! Ознобушка отрелась от трона! Слава новому князю Хочубею! Да не проголосует против этого Перун на собрании учредителей.

– Не Хочубей, а Кошубей, – поправил Пурилис, достав монету. – И не новый князь, а так, разок в царской кровати переночевал.

– Это не важно, МуПурилис, – начал Баян-Корытыч и вдруг осекся. Сперва он обрадовался, что есть сенсация на завтра: бывший припевала бывшей княгини промышляет фальшивомонетничеством. Но следующая мысль оказалась не столь радостной. – Говоришь, не отрелась? Мать честная, по судам баба проклятая затаскает, требуя опровержения! Стоп! Идея! Говоришь, просто разок переночевал? А ну води меня к этому любителю. – Имя газетчика можно было перевести как «рожденный 4-го июля». Он свято верил, что, дабы возвысить, боги порой пользуются недостатками избранного. Так, например, иные беспокойные люди были возвышены богами только потому, что небожители старались любой ценой отделаться от зануд. Более других от этих воззрений Баяна-Корытыча страдала жена, ибо каждый день обязана была выслушивать вариации на тему.

* * *

– Только тише, он спит, – попытался загородить дверь собой латинянин, но ловкий и нетерпеливый, как мочевого пузыря, Баян-Корытыч легко отстранил доброхота и толчком ноги распахнул дверь.

– Подъем! Подъем! – захлопал он в ладоши, меряя ковер ногами. – На зарядку становись!

Колдун очумело оторвал голову от подушки.

– Ой, как болит голова... – начал он, с трудом разжимая левый глаз. – А, это вы? Вы мне уже мерещились... Только ты был козлом... А у тебя что с глазом?

– Ты, брат, когда проспишься, зла не помнишь, – отвел глаза Пурилис.

– Уважаемый Тычлыбей, спешу заверить, я вам не мерещусь, – обратился редактор-корректор к кое-как усевшемуся на кровати магу. – Для начала у меня к вам большая просьба: прочитайте передовую статью в моей газете. Дажьбог с вами.

– Сгинь. – Колдун сделал руками движение, будто отгоняет мух, но тут же схватился за голову. – Ой, ой, ой. Не надо было мешать водку с вермутом.

Бодун наезжал. Волна абсистентного рэкета захлестнула череп по самую крышу, и крыша медленно поплыла, болезненно покачиваясь туда-сюда. Стайкой рыбешек на мякиш налетели вертлявые разномастные психсиндромы от «Атас, явка провалена, на хвосте

филер» до «Гражданин, вешайтесь где хотите, но знайте, что до следующего первого телеграфного сука мне не дошкандыбать».

– Уверяю вас, я не потомок белой горячки, – можете потрогать меня. Ну же! – и ответсек-метранпаж выхватил из стопки и протянул вместо себя газетный листок. Колдун потянулся за газетой, но следующий приступ головной боли вернул руки на место. Глаза умоляюще обратились к латинянину: мол, спаси, браток, не дай погибнуть от пытки садистской.

Латинянин понял, что нужен, он просто обожал быть востребованным. С ловкостью прапорщика, крадущего тушенку, Пурилис перебросил гитару вперед и запел:

*А ты опять сегодня к нам пришел,
А мы не ждали, не надеялись, не верили,
Что замолчат опять колокола. Колокола!..*

У колдуна сделалось лицо, словно ему предложили сходить на субботник, или нет, словно его пыткой вынудили проглотить солитера. Баян-Корытыч же воззрился на придворного словно только теперь заметил.

– Отставить, – коротко рявкнул первопечатник и еще настойчивее протянул газету. Из благодарности за избавление Кошубей взял листок.

– Читайте вслух, – скомандовал настойчивый, как палец в носу, обозреватель-линотипист. – Да превратит Леда Правдовна ваше горло в клаксон истины.

– "Прошедшей ночью известный в определенных кругах бармен питейного заведения «Кранты» господин Шкалик покончил собой, подавившись куском собственного локтя. Оставленная предсмертная записка свидетельствует о крайнем разочаровании в жизни господина Шкалика после встречи с неким господином с «улыбкой до ушей»... Ну и что? – тяжело зевнул Кошубей.

Прочитанное не зацепило, поскольку внутри Кошубеевского организма происходили более интересные процессы. Слюнные железы пошли в отказ. С вероломного потакательства Чернобога в висках забарабанили позывные армянского радио, и скрипучий, как тормоза КраЗа, голос на душераздирающем акценте подсказал от Советского Информбюро, что во рту поселился ежик, спешно – ох уж эта молодежь – женился на ужихе, и они наплодили моток колючей проволоки с медным привкусом, способный трижды опоясать земной шар.

– Да не здесь. Ты здесь читай, – ткнул вымаранным в типографской краске пальцем Баян-Корытыч в нужное место.

– «Как стало известно нашему специальному корреспонденту от одного высокопоставленного чиновника из дворца, – покорно стал читать сонный маг, – этой ночью наша любимая княгиня Озноба Козан-Остра подала в отставку. Своим преемником наша любимая владычица назначила африканского колдуна Шубобрея...» Знал я одного Шубобрея, – зевнул колдун, скребя себя свободной рукой подмышкой, – он ловил бродячих кошек и продавал в лаборатории, только он был не колдун, и не из Африки, а с Брайтона. Еще у него было прободение... – может на кухне, а может, на конюшне кто-то сделал неверный шаг, произошло сотрясение полов... И похмельная боль резиновым мячиком запрыгала, заюлила в котелке Кошубея. Представьте себе, даже захотелось громко заплакать, словно «наша Таня».

– Здесь в фамилию вкралась опечатка, уважаемый мистер Кущерей, не стоит, право, обращать внимание.

– Я не Кущерей! Я – ... – и вдруг до Кошубея дошло, и он дернулся вскочить, и куда-то бежать, и что-то предпринимать. Добрая африканская душа.

– Сидеть! – скомандовал ждавший начеку фельетонист-репортер.

– Раз вы не козел... Подождите, выходит я вчера... Черт побери, как трещит голова. Меня вчера княгиня назначила своим преемником? За какие-то особые заслуги. Как сватался

– помню, а дальше... Наверное, я себя показал в шутках и кровати. Недаром я – секс-символ. Вот, помню, двадцать лет назад в Мемфисе... Ой! – последние слова отозвались острой болью пониже спины. Провалы в памяти на условные рефлексy не распространяются.

– Ничего-ничего, я вам помогу вспомнить, – прервал невнятное бормотание колдуна газетчик, бережно опустил на ближайший стул пачку газет и пошел вдоль помещения, что-то высматривая. – Может, здесь? – Баян-Корытыч рывком раздвинул портьеры из абиссинского шелка. – Никого. Странно. А может здесь? – Корытыч опустил на правое колено и заглянул под кровать. – Никого. Где же моя черноглазая, где? – забарабанил Баян пальцами по спинке кровати. – А! Ну конечно! Как же я сразу не догадался! – редактор твердым шагом подступил к платяному шкафу и требовательно постучал костяшками пальцев в дверцу. – Мистер Копчик, откройте, я знаю, что вы здесь прячетесь.

Дверца открывалась нехотя и медленно. И спустя каких-нибудь три минуты из шкафа выбрался измятый, опутанный бюстгалтерами и чулками престарелый верховный жрец Копчик Одоленский. Нельзя сказать, что приключившаяся сцена не напоминала популярную в среде разночинцев картину «Не ждали», но все-таки в происходящем было больше от «Тайной вечери» кисти незабвенного, ну, сами знаете, кого.

– А я слышу, голоса знакомые, – маэстро Одоленский поклонился Баян-Корытычу и Пурилису, подумал, и Кощубею.

– Но почему? – удивился латинянин, в своей наивности трогательный, как кнопка вызова лифта.

– А разве у молодого человека нет своего хобби? – кротко улыбнулся волхв-жрец. Может быть, уже и сообщалось, но не помешает повторить, мол, Копчик любил, когда ему исповедуются. И в процессе постепенно, но всегда, само собой получалось, что исповедуемый сначала каялся, а затем хвастался.

– Мистер Одоленский, – приветствуя, щелкнул каблуками редактор. – Вы бы не могли в двух словах описать нам, что здесь происходило ночью?

– О! – вздохнул сладко жрец, закатил глаза, пустил струйку слюны и принялся бессознательно тереть застежку свисающего с плеча, как аксельбант, бандажного пояса. – Здесь было гнусно, очень гнусно!

– А потом?

– Совсем омерзительно, – мечтательно произнес Копчик, разглаживая складки на засаленной рясе покроя «акстись». – У меня аж в глазах сосуды полопались. Кстати, вы не подскажете хорошего окулиста?

– Ну а потом? – нетерпеливо прищелкнул пальцами корреспондент.

– Потом?... Голубчик, вы же знаете, у меня склероз. Я даже путаю, кто у нас, исконных славян, Подага – бог восточного ветра, сын Стрибога, свирепый бог северного ветра, бурь и непогоды, или бог брака. Только не разглашайте.

Действительно, у верховного жреца отмечались преходящие нарушения зрения, парезы, расстройства координации. Обнаруживались нистагм, скандированная речь, интенционное дрожание (триада Шарко), симптом Бабинского, отсутствие брюшных рефлексов.

– Мосье Одоленский, от этого может зависеть ваша карьера, – нетерпеливо забарабанил пальцами газетчик.

Словно ища поддержку у других, Копчик посмотрел вокруг, встретился с пришибленным взглядом колдуна и не встретился с добрым взглядом Пурилиса. Тот разглядывал себя в зеркало. Происходящее несколько удалилось от юношеского внимания. Ведь никто из присутствующих не говорил о любви и не собирался слушать песни о ней. Жалкими казались парню окружающие. Они погрязли в мелком выяснении подробностей, не замечая за разбежавшейся отарой деталей пастуха истины. И самое подлое с их стороны: они не советовались с Пурилисом, не спрашивали его мнения. Что, слишком умные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.